

впереди его и освѣщаетъ ему путь, въ отлиchie отъ неподвижнаго, висящаго на стѣнѣ, фонаря; сравненіе его съ компасомъ или небесными свѣтилами, руководствуясь которыми можно смѣло пускаться въ открытое море. Впрочемъ, довольно: такихъ образныхъ поясненій очень много. Чуткій и внимательный къ жизни, художникъ и теперь подмѣчаетъ всякую мелочь, какъ и раньше; эта мелочь становится для него художественнымъ образомъ, въ которомъ воплощается важная, общая, жизненная мысль. Отмѣчу любопытный примѣръ въ статьѣ „Такъ что же намъ дѣлать?“ Мясникъ точилъ ножъ о камни тротуара; Толстой задумался надъ этимъ обстоятельствомъ, и оно становится для него образомъ, которымъ онъ пользуется для объясненія нѣкоторыхъ явлений жизни.

Разница съ предыдущимъ творчествомъ, между прочимъ, въ томъ, что Толстой тутъ же даетъ образу поясненіе, дѣлаетъ примѣненіе его къ жизни, вслѣдствіе чего самый образъ получаетъ значеніе служебное, обращается въ аллегорію, въ притчу. Но это толкованіе съ особою наглядностью и силою разъясняетъ намъ, почему и прежде, всегда его интересовало все, и великое и малое, вѣрнѣе — все для него было велико: ибо сквозь всякую мелочь видѣлъ онъ общее, важное; во всемъ чуялъ онъ проявленіе міровой жизни, вѣяніе „Всемірного Духа“, какъ онъ иногда выражался.

Проповѣдуя свои идеалы абсолютной правды, безпрѣдѣльной любви и кротости, Толстой продолжаетъ и свою работу отрицанія и обличенія, бичуя все лживое, пустое, себялюбивое и гордое, въ чемъ бы онъ его ни усматривалъ, бичуя уже прямо, непосредственно, и безъ помощи художественного образа. И подъ часъ слишкомъ разойдется, бывало, его бичующая рука, опрокидывая наряду съ тѣмъ, что этого стбить, и предметы высокой цѣнности; не будемъ перечислять ихъ; вспомнимъ хотя бы нападки на Шекспира, на науку... Но важно, во имя чего онъ отрицаetъ; важно, что онъ непрестанно и страстно ищетъ правды и отрицаetъ то, въ чемъ видить фальшь и неправду, эгоизмъ и черствость, хотя бы иногда и ошибался, усматривая въ томъ или иномъ отдѣльномъ явлениі неправду, этотъ эгоизмъ.